

александр
бренер

18+

Содержит
нецензурную
брань

в гостях
у берроуза

американская
повесть

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Александр Давидович Бренер
В гостях у Берроуза.
Американская повесть
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64004307

*В гостях у Берроуза. Американская повесть: ИД «Городец»; Москва;
2021*

ISBN 978-5-907220-97-3

Аннотация

Рассказ о встрече с американским классиком во время поездки по США в 1997 году в исполнении неподражаемого Александра Бренера оборачивается гимном человеческой свободе. И одновременно панихидой по человечеству.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие. Что осталось от Уильяма Берроуза?	7
1	7
2	9
3	12
4	14
5	15
6	16
7	18
8	21
9	23
10	24
11	25
12	27
13	29
14	31
15	32
16	33
Часть первая. Бренда	34
1	34
2	36
3	39
4	40

5	41
6	42
7	45
8	46
9	47
10	50
11	51
12	52
13	54
14	56
15	58
16	59
17	60
18	61

Часть вторая. Лоретта

1	62
2	63
3	64
4	66
5	67
6	69
7	72
8	75
9	76
10	77
11	79

12	80
13	81
14	84
15	85
Часть третья. Беременная девочка и Томас	86
1	86
2	87
3	91
4	94
5	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Александр Бренер В гостях у Берроуза. Американская повесть

All literature is gossip.
Truman Capote

Life is very precious, even right now.
Gary Indiana

I know a lot about myself, and I accept it.
Joy Williams

What force could so deform a man?
William S. Burroughs

You don't say I LOVE YOU with your mouth full of sand.
David Lynch

Рисунки Александра Бренера и Барбары Шуриц

© А. Бренер, 2021

© ИД «Городец», 2021

Предисловие. Что осталось от Уильяма Берроуза?

1

Эта книжка – воспоминание-напоминание о писателе, сказавшем однажды о себе без ложной скромности: «Сейчас я самый важный Homo Sap на Земле».

Это был Уильям Сьюард Берроуз (а кто же ещё?).

Сегодня ни один писатель (даже американский) не посмеет выговорить такую наглость по одной простой причине: НИКТО не может быть действительно важен на Земле, где прозябает восемь миллиардов людей – и они всё плодятся и размножаются.

Да и литература несколько не отстаёт от этого убийственного размножения: она ему под стать.

Но дело-то в том, что Берроуз жил в другую, минувшую эпоху и не был просто очередным литератором.

Он был сингулярен, бесподобен, несравним.

Он был сразу всем: писателем и авантюристом, художником и шарлатаном, панком и философом, наркоманом и гуру, клоуном и смертельно серьёзным диагностом, селебрити и El Hombre Invisible.

Это у него Жиль Делёз заимствовал имя для своего знаменитого концепта: «общество контроля»; это с ним беседовал на эту тему Мишель Фуко.

А мы уже не просто в обществе контроля живём – мы в бесконтрольно контролируемом обществе, стремительно разваливающимся на куски.

Мы в условиях перманентного Чрезвычайного Положения (диагноз Агамбена).

Мы в ситуации множественной гражданской войны (диагноз Тиккун).

Но Берроуз и это предвидел и очень интересно об этом писал.

Поэтому вспомнить и напомнить о Берроузе очень своевременно.

Вот я и вспомнил – с любовью, хотя и с полным ртом песка.

2

Я полюбил Берроуза, ещё не прочитав ни одной его книжки, ни одной строки.

Он был героем «контркультуры» – всюду, в том числе в СССР.

Уж не помню, где я увидел фотографию стареющего денди в шляпе и костюме-тройке, со строгим и холодным взглядом умных внимательных глаз, и подумал: ого, какой крутой.

Стал искать информацию о нём, и опять-таки: да, крут.

У него была сенсационная биография: отпрыск видной предпринимательской семьи из Сент-Луиса; выпускник Гарварда и студент медицины в Вене; истребитель тараканов и бармен; наркоман и фермер-дилетант; отщепенец и протобестия; теневая фигура и джентльмен; женоубийца и везунчик, избежавший тюрьмы в Мексике; аферист и богемный выюн, исколесивший мир; острослов, снискавший уважение в узком кругу приятелей; аутсайдер и гомосексуалист; скандальный автор экспериментальной книги, с трудом нашедшей издателя; нью-йоркская знаменитость и страстный любитель оружия; наставник молодёжи и автор стрелковых картин; обожатель кошек и мировой авторитет.

Он был великий шоумен и декларированный мизантроп.

Он вёл бездомную жизнь, которую мог позволить себе в середине XX века привилегированный, хорошо образован-

ный янки с небольшой, но надёжной пачкой долларов в портмоне.

А я в Советском Союзе о такой жизни мог лишь мечтать: США, Австрия, Греция, Югославия, Италия, Албания, Мексика, Латинская Америка, Берлин, Танжер, Париж, Лондон, Нью-Йорк...

У него была компания разудалых и отважных битников-друзей (так я себе это представлял).

Он умел быть беспощадным и обходительным, атакующим и доброжелательным, запальчивым и ускользящим.

Короче, Берроуз – ходячее противоречие: кочевой изгой и трезвый, расчётливый литературный делец, дорогуша публики и смутьян, апокалиптический насмешник и член Американской академии искусств и изящной словесности, посторонний наблюдатель и часть литературного истеблишмента.

Я балдел от одного его имени.

А потом я читал русский перевод книги «Голый завтрак» – и ужасно скучал.

А потом прочитал повесть «Джанки» – и пришёл в восторг.

Русские переводы его произведений иногда ничего, а иногда – дрянь.

Берроуза нужно читать в оригинале, на его собственном языке.

И тогда открываешь: какой же отличный писатель он был! Его книги великолепны и как авантюрное чтиво, и как по-

эзия языка.

В какой-то момент я понял, что Берроуз – автор и человек – очень дорог мне.

3

В одном из своих многочисленных интервью Берроуз причислил себя к традиции плутовского романа (*roman picaresque*).

«Сатирикон» Петрония и «Золотой осёл» Апулея – вот откуда всё пошло.

Он восхищался «Злосчастливым путешественником» Томаса Нэша – первым английским плутовским романом, написанным в елизаветинскую эпоху, в 1594 году.

Ну и, конечно, «Путешествием на край ночи» Луи-Фердинанда Селина (Берроуз и Гинзберг посетили Селина в парижском пригороде Мёдон).

Берроуз говорил: «В плутовском романе протагонист не устаёт передвигаться ради самого передвижения – реального или происходящего в голове. В ходе этого передвижения он переживает разные приключения или, точнее, злоключения, удары судьбы. А иногда и вовсе попадает в иную реальность, где возможно всё. Плутовской роман не имеет чёткой фабулы, это серия эпизодов, происшествий, случаев. Повествование разворачивается не по искусственной схеме, которую в XIX веке принял реалистический роман, а в гротескном, парадоксальном, алогичном универсуме. Плутовской роман одновременно близок модернистской литературе и дешёвой беллетристике, в нём на первый план выходят казус и экспе-

римент».

4

Что ж, если так, то я в одной компании с Берроузом. Самопальный рассказчик и цитатная тля, я тоже принадлежу к плутовской традиции.

Без американского паспорта и без всякого портмоне я мотался где только мог: в воображении и наяву. И, мотаясь, попадал в отвратительные переделки, впадал в полное ничтожество, убегал, как заяц, и изворачивался, как глист.

Только об этом – о своих похождениях – я и могу писать.

Всё остальное почитаю за литературщину и ложь. Но авторитетом вроде Берроуза я, к счастью, не стал.

И не стану скрывать: я не только люблю, но и ненавижу этого американского дяденьку.

Шарлатан должен оставаться шарлатаном, а не делаться «самым важным человеком на Земле».

Но, разумеется, Берроуз был больше чем шарлатан.

Он прошёл уникальный – и показательный – путь.

«Показательный», то есть наглядно демонстрирующий, в какой вонючей помойке, на какой грандиозной куче дерьма мы живём – и это дерьмо жрём.

5

Берроуз считал, что миром правит мразь.

Он не ждал ничего хорошего от политических элит.

Он сказал мне: «Эти суки прикончат и тебя, если вовремя не удерёшь».

Он твердил, что скоро появится биологическое оружие – «ethnic weapons», – способное истреблять одни расы и народы, не затронув других.

Он был убеждён, что СПИД является лабораторным вирусом, умышленно выпущенным на свет.

Он писал: «Полиции выгоден рост преступности. Департаменту по наркотикам выгодна наркомания. Политиканам выгодно внушать людям, что они – нация. Армейским начальникам выгодно создание новых видов оружия. Корыстные интересы и выгода управляют всем – частным капиталом и государственными учреждениями – и подавляют любое открытие, продукт или мысль, которые могут ущемить их монополию».

Но он не хотел замечать, что и сам становится частью этого грандиозного бизнеса.

Где бы он оказался, чёрт возьми, без громадной культурной машины с клеймом на каждом подшипнике: «MADE in USA»?

6

Мой смехотворный тезис заключается в том, что Берроуз был, как это говорится по-английски, full of shit.

Но он и отличный писатель, по joke.

Американский писатель до мозга костей.

Он, как губка, впитал в себя всю грязь и весь блеск западной цивилизации (в её американской брутально-технологической версии), а потом захотел отмыться от этой налипшей (снаружи и внутри) коросты нечистот.

Но вот вопрос: как отмыться и чем?

Берроуз лихорадочно искал какую-то мифическую, магическую живую воду, которая могла бы смыть с него гнусь.

Но было уже поздно – или это не поздно никогда? В любом случае: он всё понимал и места себе не находил.

Поэтому он и отправился под конец жизни в индейскую резервацию, чтоб шаман навахо вытравил из него огнём того Мерзкого Духа, того американского Сукина Сына, того Великого Махинатора, который в нём засел и не давал ему спокойно умереть.

Сам он отделаться от этого Духа не мог.

Путешествие к шаману с менеджером битников Алленом Гинзбергом – последний плутовской, призрачный, зрелищный, совестливый, поверхностный, интимный, искренний, магический, сделанный на публику, отчаянный, инфантиль-

ный, стариковский акт Уильяма Берроуза.

Всю свою жизнь он был обуян страхом, что им владеют некие злые, уродливые потусторонние силы – духи, призраки, нечисть, Враг.

Ключевой, решающий, роковой эпизод своей жизни – револьверный выстрел, оборвавший жизнь его жены Джоан, – Берроуз объяснял тем, что Мерзкий Дух управлял в тот день его разумом и рукой.

Он себя так оправдывал, но не извинял.

Он считал, что необходимо сопротивляться Мерзкому Духу, а он не сумел, не выстоял, упал.

И позднее тоже падал – много, много раз.

Берроуз догадывался, что Мерзкий Дух напрямую связан и с его литературной карьерой, с его книгами, – с лучшим, что он сделал за свою долгую жизнь.

Возможно, всем его творчеством управлял этот сраный Дух?

Книги Берроуза стали полем сражения против Мерзкого Духа – пространством поражений и побед.

Вообще говоря, самое главное у Берроуза – его блуждания.

Как он сам сказал: «It is necessary to travel, it is not necessary to live».

Странствия Берроуза: одновременно бесцельные гуляния фланёра и поиски ухода-выхода.

Он шатался по улицам мировых городов, чтобы увидеть то, что необходимо художнику: сокровенную Америку, тайную Африку, скрытую Европу, то есть внутреннюю, заветную, заповедную территорию, куда он мог бы ускользнуть прямо сейчас или переселиться в следующем воплощении, в брэнной оболочке или в бестелесном состоянии.

Путешествия, наркотики, метод нарезок – cut-up – были не чем иным, как способами всматривания в этот тайный, запредельный мир.

Иными словами, он пытался изменить свою жизнь, своё сознание: «Для всех нас в шекспировской эскадрилье писательство есть не бегство от реальности, но попытка трансформации реальности, так чтобы писатель мог наконец избежать границ реальности».

Берроуз ненавидел линейную, «аристотелевскую» (как он говорил), причинно-следственную логику западного мышления.

Он считал, что это логика кретинов и убийц.

Нужно изменить сознание и увидеть вещи такими, как они есть.

А какие они?

Многомерные.

Берроуз понял, что предметы, ландшафты и люди умещают в себе не только настоящее, но и прошлое.

И будущее.

Иногда очень отдалённое прошлое и очень гипотетическое будущее.

«Будущее – это прошлое, и наоборот» – вот слова Берроуза.

Именно об этом он в своих книгах и рассказывает: о путешествиях во времени, о напластовании времён, о прободении хроноса.

Это «генеалогические» (в ницшевском смысле) повествования, где он пытается найти «потерянные поворотные пункты» и возможные способы ускользания.

С самым что ни на есть серьёзным выражением лица, которое один из его друзей сравнил с физиономией рептилии, комедиант Уильям Берроуз заявлял: «Пришло время бросить эту изношенную, радиоактивную, набитую полицейскими планету дураков».

Пришло время перебраться в Древний Египет или на Марс.

Бездомность, наркотики, любовные похождения, cut-up,

чёрный юмор, подростковая порнография, научная фантастика, путеводители, комиксы, фиксирование снов, опыты с оргонным аккумулятором, любительская магия, ружейные эксперименты с живописью, общение с кошками – вот они, берроузовские попытки вырваться из общества контроля, общества спектакля, биополитического порядка, полицейского государства, культурного менеджмента, бюрократической машинерии, левой и правой демагогии – всех этих пакостных, гнетущих и убийственных механизмов мировой капиталистической Империи.

Вырваться куда?

Туда, где нет самого себя – постылого шоумена Берроуза.

8

Джеймс Грауэрхольц – друг, редактор, менеджер и неизменный спутник позднего Берроуза – в одном из своих эссе очерчивает литературную траекторию автора книги *Naked Lunch*.

Согласно Грауэрхольцу, главным героем Берроуза на протяжении долгого времени оставался беззаконный малец, ситятельный юнец, аморальный недоросль, анархический оголец Одри/Ким.

Это – застенчивый подросток, преобразившийся в лучшего стрелка на Диком Западе и неутомимого любовника, в дикаря, мародёра и изобретательного зверёныша.

Одри/Ким – обладатель природного вкуса и ума, не дорожащий ни тем ни другим, но вечно пытающийся выйти за пределы себя и стать право-, нраво- и миронарушителем.

Неистовая витальность и самочинные похождения Кима были своего рода литературной версией беспокойной жизни самого Берроуза.

Но в поздние годы, когда писатель приблизился к своему семидесятилетию, мысль о смерти стала всё чаще посещать его, и на первый план выдвинулась иная фигура: Джо Мертвец.

Это – противоположность юного Кима: дряхлое, высушенное существо, прошедшее через ряд жизненных перево-

площений и впавшее в морбидное, анемичное состояние, но так и не достигшее покоя и мудрости.

Джо Мертвец – мумия, не чуждая безумия.

Джо Мертвец – старый хрыч, принявший самого себя за Смерть.

Джо Мертвец – последняя ипостась Уильяма Берроуза.

Несмотря на то, что писателю бесконечно дорог неуёмный Ким, он обрекает его на гибель от руки Джо Мертвеца.

Умерщвляя Кима, Джо Мертвец отказывается от всех буйств, экспериментов и поисков ради единственной оставшейся у него привязанности: THE LOVE OF CERTAIN ANIMALS.

Кошки видят друга в Джо Мертвце – Берроузе.

Он умеет приручать диких ласок, скунсов, енотов, барсуков.

Он ещё помнит забытое искусство превращения зверя в товарища: «Прикосновение должно быть очень смелым и очень ласковым».

Так говорит автор книги The Cat Inside.

Как считает Грауэрхольц, в последние месяцы своей жизни Берроуз осознал бесплодность любых конфликтов, увидел иллюзорность всякой победы и завоевания.

Страсть к битвам, обуревавшая писателя, оставляет его.

В доказательство Грауэрхольц приводит такие фразы из предсмертных дневников Берроуза: «Думать недостаточно. Всего недостаточно. Не существует ни последнего опыта, ни последней мудрости – ничего, бля, подобного. Ни Святого Грааля, ни Финального Сатори, ни окончательного решения. Только конфликт, столкновение. И единственная вещь, которая может разрешить конфликт, – это любовь, вроде той, которую я испытал к Руски и Флетчу, Спунеру и Калико. Чистая любовь».

Вот так: любовь к кошкам оказалась конечным открытием и завершением бурной, несправедливой и страдальческой жизни Уильяма Берроуза.

Жизни-схватки с Мерзким Духом, в нём угнездившимся.

10

Честно говоря, мне этот сладенький вывод Грауэрхольца кажется сомнительным.

Путь Берроуза нельзя свести к его старческой кошачьей нежности.

Дядя Билл был бузила по преимуществу.

Вопрос, занимающий меня, комичен, но небезоснователен: что осталось от писателя Берроуза для нас, сегодняшних сапиенсов, живущих посреди всевозможных материальных и идейных руин, обвалившихся смыслов и духовных могильников, в гуще явных и тайных сделок и манипуляций правительств и полиции, олигархов и лоббистов, секретных служб и информационных монополий, технократов и экономической мафии?

Что может пригодиться нам из словесного искусства американского писателя в ситуации планетарного провала и глубочайшего конфуза, воцарившегося в головах людей?

Ответ как будто очевиден: всё необходимое – в книгах Берроуза.

В них следует искать мысли и чувства, боль и радость, погибель и спасение, смысл и бессмыслицу.

Он ведь прежде всего художник, искусник, артист.

Однако кроме словесного блеска (поистине восхитительного), есть одна упрямая, цепкая, настырная дума, возникающая во всех сочинениях и устных беседах Берроуза с чрезвычайной настойчивостью.

Это мысль о неутолимой и нескончаемой распре; догадка об извечном конфликте, не прекращающемся с начала времён.

Вот что он говорит в длинном и важном интервью Сильверу Лотринджеру: «В сущности, в мире существует только одна игра, и это – война, противостояние. Все игры по своей природе носят боевой характер, ибо в них есть победители и побеждённые. И не следует забывать, что только тотальная победа означает конец игры».

Это положение о войне, противоборстве, брани и несогласии повторяется и варьируется тысячу раз во всех писаниях Берроуза.

Если мысль о необходимости поддержания войны является заветной мыслью Берроуза, то о какой войне идёт речь?

Не об атомной же бойне, которую Берроуз частенько поминает с глубочайшей гадливостью!

И не о войне между государствами он говорит.

Более того, городская герилья таких групп, как Rote Armee Fraktion в Германии, Brigade Rosse в Италии или Weathermen в США, тоже была чужда Берроузу: он отказывался понимать, чего эти люди хотят.

Для него подлинная война есть не что иное, как свободная игра жизненных форм.

Подростки, дикари, пираты, еретики, художники, бродяги, отщепенцы и придумщики – вот кого он имеет в виду.

Великолепная непримиримость маргиналов перед лицом власти восхищает Берроуза.

Война как инстинктивное неподчинение, война как безоглядный исход из общества, война как опасное изобретательство!

Берроуз считал, что для аристократов духа и самородков из «подлого сословия» распря – самая естественная вещь.

Поэтому война выступает у него в двух основных модальностях: как поединок и как уход.

Поединок неизбежно влечёт за собой уход.

Уход рано или поздно приводит к столкновению.

Берроузу чужд эскапизм – он партизан по преимуществу.

И он учит: война, распря, брань – единственная реальность иллюзорной Истории.

Что же касается государства, то оно апроприирует и монополизирует идею войны силами армии и полиции.

Как легко догадаться, полицию Берроуз терпеть не мог.

Следует отметить, что подобное понимание войны чрезвычайно близко концепту французской философской группы Тiqqun, разработанному ими в программном тексте «Введение в гражданскую войну».

Тиккун в своём анализе ссылаются на разные источники (от лингвистической теории Эмиля Бенвениста до антропологических исследований Пьера Кластра), но имени Берроуза в их тексте нет.

Однако они, несомненно, знали его мысли о войне и использовали их.

И для Берроуза, и для Тиккун война является истинным (освобождающим) положением вещей, а её окончание, мир, – ложью угнетателей.

Таким образом, обычное отношение между миром и войной здесь совершенно переворачивается.

Для большинства нынешних людей (в отличие от древних) мир является нормальным состоянием, которое прерывается войной; для Берроуза же и Тиккун война есть норма, а мир – аберрация.

Тиккун называет углубление гражданской войны коммунизмом, а Берроуз – великим актом побега (aogreat escape act).

Передача поэтической вести об освободительной игровой

войне, а также разработка искусства отступлений и атак – вот двудеиная задача, которую преследуют Берроуз и Тиккун.

У Вальтера Беньямина есть гениальная догадка о том, что, вопреки распространённому мнению о возможности бесконечных интерпретаций того или иного текста или образа, в действительности существует лишь одно несомненное толкование всякого культурного феномена, любого художественного произведения.

Это – его мессианское понимание.

Последнее суждение и последний вопрос к автору книги, симфонии или живописного творения может быть только следующим: спасает ли он нас от ложного мира, в котором мы заточены?

В случае Берроуза ответ: YES.

Он спасает – от тех, кто не верит в спасение.

Он спасает своей плутовской непримиримостью, своей изобретательной фантазией, своим упорным нежеланием подчиняться статус-кво и, не в последнюю очередь, своим дерзким, разоблачительным и раскрепощающим смехом, обращённым против всех, кто подчинился и успокоился.

Он глумится над теми, кто не верит в тропинку, ведущую к избавлению.

Сам он эту тропинку искал изо всех сил.

15

Что же касается литературы, то, как сказал Морис Бланшо, её истина – её ложь.

Сам Берроуз однажды написал: «Истина заключается в молчании, а литература состоит из слов».

В поздние годы он стремился к бессловесности: TO ATTAIN A WORDLESS STATE.

И всё же он до самого конца не прекращал писать, говорить, шептать, бормотать...

Во время наших встреч он не замолкал.

16

В этой книжке я попытался передать жесты и речи моего незабвенного, хотя и мимолётного друга-говоруна, которого я посетил в его последнем канзасском убежище незадолго до того, как он ушёл в мир иной.

Базель, 30 октября 2020

Часть первая. Бренда

1

Моя повесть относится к лету 1996 года, когда я путешествовал по Америке с художниками из словенской группы IRWIN.

Они организовали проект под названием Transnacionala – месячную поездку по Соединённым Штатам.

Мы передвигались в двух трейлерах – жилых комнатах на колёсах.

Путешествие началось в Атланте и закончилось в Сиэтле.

В проекте участвовали ещё два московских художника – Юрий Лейдерман и Вадим Фишкин.

Как почти все художественные затеи подобного рода, это была халтура (под соусом встречи Запада и Востока).

Зато я увидел места, о которых мог только мечтать: Долину Смерти, Большой Каньон, Скалистые горы.

В каком-то мотеле в пустыне я обнаружил в ванне гремучую змею, спавшую мирно, как младенец.

В другой раз я видел койота, забежавшего в супермаркет и раскидавшего товары.

Но самым неожиданным моим открытием было то, что аризонские божьи коровки хрюкают, как месячные поросся-

та.

2

В Америке мне снились странные кошмары: будто туча летучих мышей вылетает из унитаза и облепляет моё тело.

Или что у меня вместо зубов гвозди и я пережёвываю ими жевательную резину.

Или что я встречаюсь в каком-то подвале с Фиделем Кастро.

Из-за этих чёртовых снов нервы мои расшатались.

Впрочем, другие участники проекта Transnacionala тоже нуждались в починке.

У Фишкина, например, ни с того ни с сего завелись блохи.

Лейдерман постоянно скрипел зубами.

А у Борута Вогельника из группы IRWIN поминутно текли слёзы.

Отношения в нашей компании разладились: из-за тесного соседства в трейлерах мы готовы были прикончить друг друга.

Но у меня сохранились приятельские отношения с Мираном Мохаром – самым доброжелательным из группы IRWIN.

Ему я навсегда благодарен и за это американское приключение, и за многое другое, что он для нас с Барбарой сделал.

3

IRWINы планировали дискуссии с разными людьми в разных городах Соединённых Штатов.

Самой заманчивой в их списке была встреча с Уильямом Берроузом – знаменитым автором «Naked Lunch» и прочих забавных книжек.

Калифорнийский художник Марк Полин – основатель группы Survival Research Labs и организатор механических перформансов Robot Wars – дал IRWINам телефон Берроуза в Лоуренсе.

Вот они и вознамерились заехать в этот городок в Канзасе, где обитал писатель.

Однако Берроуз на звонки не отвечал, и, посоветовавшись, IRWINы отказались от своего плана.

Меня это не только расстроило, но и разозлило.

Я очень хотел увидеть Берроуза: я им тогда восхищался.

Кроме того, мне настолько опротивела компания Лейдермана (а ему моя), что я просто жаждал смыться из машины, где мы сидели, как два скорпиона.

Я решил отколоться от группы Transnacionala и пообещал Мирану, что догоню их в Альбукерке.

Как сказал Берроуз: «Told by an idiot, signifying nothing».

4

В Канзас-сити я сел на рейсовый автобус и покатил в Лоуренс, понадеявшись на удачу.

За окном маячили поля кукурузы, поля кукурузы, поля кукурузы.

Я думал: «В Америке меня ни с чем не связывают никакие узы».

Мне это было по нраву.

Помню, мы проехали мимо громадного потрёпанного американского флага, развевающегося над бензоколонкой.

И я вспомнил флаги Джаспера Джонса.

Помню, в кукурузных полях стояли заброшенные амбары.

Я подумал, что мог бы спрятаться в одном из них, если бы скрывался от закона.

В автобусе сидел чернокожий, как две капли воды похожий на Джеймса Болдуина.

Я любил его книги, но Уильям Берроуз интересовал меня куда больше.

Он сказал о себе однажды: «Я знаю то, чего никто не знает. И понимаю то, чего никто не понимает».

Я ехал в Лоуренс, чтобы познакомиться с самым знающим и понимающим человеком на свете.

5

В том автобусе на плече впередисидящего пассажира сидел большой зелёный богомол, молитвенно сложив длинные лапки с острыми шипами.

Возможно, этот богомол спас нас от автодорожной катастрофы.

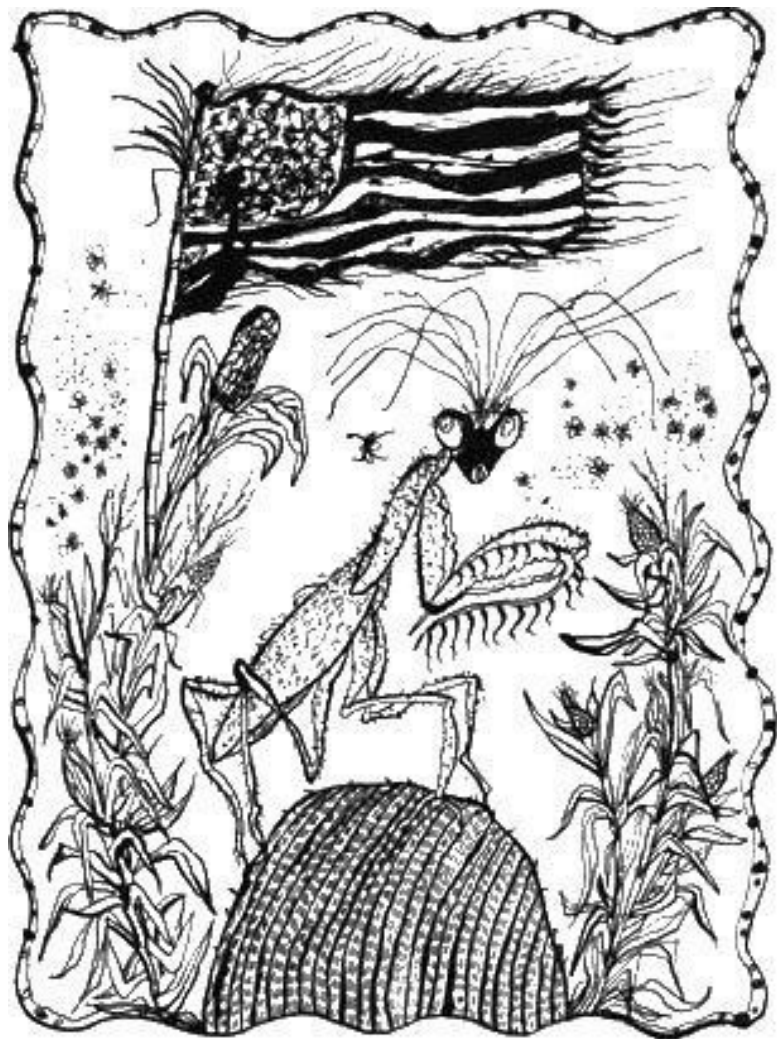
А потом он куда-то делся.

6

Город Берроуза оказался довольно провинциальным.

Сперва я прошёлся по центральной улице, застроенной красными кирпичными домами.

Там я встретил красивую девушку, прогуливавшую свою попку.

Именно так: девушка двигалась сама по себе, а её попка – чуть сбоку, как роскошная собачонка.

Попка была одета в белые шорты, а девушка – в чёрную блузку с очень низким вырезом (и спереди, и сзади).

Я решил бросить всё на свете и навечно связать судьбу с этой красоткой.

Вообще-то я не любитель попок, но эта меня околдовала.

Я упорно влачился за ними, пока мы не оказались в респектабельном квартале с каменными особняками.

Тут красотка повернулась ко мне и сказала:

– Ты ведь не обидишь меня, милый?

– Ни за что, – сказал я и положил руку на сердце.

– Ты меня не поранишь?

– Нет, конечно.

– И не задушишь?

– Да нет же.

– И не порежешь ножом на мелкие кусочки? Я стоял и смотрел на неё честными глазами.

– Тогда пойдём, – сказала она и, взяв меня за руку, повела к старому двухэтажному дому, окружённому чугунной решёткой.

У этой девушки было неимоверно мощное, сосредоточенное, изумительно властное магнитное поле.

И я угодил в него, как металлическая стружка. Её звали Бренда.

Дом был вроде виллы – с лужайкой и бассейном. Больше всего меня поразило то, что в бассейне плавал мёртвый опоссум.

Бренда попросила меня достать его оттуда.

– Они сюда часто забегают и тонут, – сказала моя новая знакомка. – А однажды я нашла здесь здоровенного дикобраза. У него были очень острые иглы. Он плавал прямо посреди бассейна. Я сперва решила, что это гризли.

Я выловил опоссума большим сачком на длинной ручке.

Потом мы положили его в чёрный пластиковый мешок, принесённый Брендой.

Она унесла мешок и вернулась – без всякой одежды.

Голая она была ещё красивее, чем в блузке.

Голая она была **СОВЕРШЕНСТВО**.

8

Я испугался. Я не знал, что всё это значит.

Я подумал, что она нимфоманка.

Я подумал, что она безумна.

Я подумал: «Неужели я опять влип во что-то?»

Я подумал: всё это мне снится.

Она предложила мне поплавать гольшом в том самом бассейне, где ещё недавно плавал мёртвый опоссум.

Она сказала:

– Я хочу осмотреть твой член и решить, что нам дальше делать.

После этих слов я ещё больше испугался.

Но, должно быть, я был действительно околдован Брендой.

И поэтому мог пойти на любое безрассудство.

9

– У тебя член сухой и тёмный, как мумия кошки из Древнего Египта, – сказала Бренда. – Я видела такую мумию в музее в Нью-Йорке.

Она повертела мой член в своих нежных пальцах:

– Мне это не подходит. Я люблю толстые мужские члены, похожие на голову льва, разъярившегося при виде добычи. А у тебя он слишком тонкий.

Мы стояли голые на краю бассейна.

Мой член сам собой поднялся от зрелища её брюшного пресса.

У неё были младенческие груди.

И пупок чемпионки по многоборью.

Но она сказала:

– Я люблю поднимать члены собственноручно. Иногда я их поднимаю, массируя своими ступнями. Я не люблю, когда член стоит сам по себе, как бейсбольная бита.

После этих слов мой член стал медленно опускаться.

У Бренды были очень красивые ляжки и икры.

Она встала на голову, прошлась на руках и спросила:

– А ты так умеешь?

Я сказал, что не умею.

Она рассмеялась, показав восхитительные зубы.

Сверх того, у неё был великолепный позвоночник.

И лодыжки.

Как сказал бы Берроуз: «The Secret Agent, set in Wild West» (вот кем эта девушка была).

Или я просто спятил?

10

Мы немного поплавали в бассейне, но у меня из головы не выходил мёртвый опоссум.

Бренда плавала заправски, в разных стилях.

Её попка плавала отдельно и напоминала Стромболи – маленький итальянский остров с действующим вулканом.

Этот вулкан постоянно активен и знаменит частыми мелкими извержениями, которые можно наблюдать с разных точек острова, а также из Тирренского моря.

Потом Бренда сказала:

– Я хочу приготовить бараньи рёбра на гриле.

Она сама разожгла огонь и положила на решётку рёбра.

Мне она как будто уже не доверяла, хотя и не проявляла особой враждебности или неприязни.

Она принесла из дома бумажные тарелки.

Она пользовалась специальными щипцами, переворачивая рёбра на жаровне.

Потом мы сидели в чёрных шезлонгах перед бассейном.

Она ела без ножа и вилки – голыми руками.

Я тоже.

Я уже не помню вкус этих бараньих рёбер.

Кажется, они были как горелые камни.

12

Бренда так и осталась в голом виде, а я надел трусы и футболку.

Я её стеснялся.

И по-прежнему чего-то боялся.

Мы запивали рёбра белым вином из пластиковых стаканов.

Я спросил её:

– Бренда, ты не знаешь, где живёт Уильям Берроуз?

– Кто? – переспросила она со скрытой угрозой.

– Берроуз. Знаменитый писатель. Автор романа «Джанки».

– Я не понимаю. У тебя очень плохое произношение, – сказала Бренда.

Больше мы к этому не возвращались.

После еды она сказала:

– Этот дом принадлежит одному почтенному джентльмену. Он мой покровитель. Сейчас он в больнице. Ему вырезали опухоль величиной с кулак Мухаммеда Али – знаменитого чемпиона по боксу. Надеюсь, ты ценишь моё гостеприимство.

Я поблагодарил её от всего сердца.

Я и сейчас ей благодарен за весь этот опыт, за всю эту науку.

Она сказала:

– Хочу показать тебе что-то.

Она пошла к дому, а её попка поспешала за ней чуть вразвалку.

Я подумал: «I want to know how this turns out».

13

Бренда вернулась – в ковбойских сапогах из змеиной кожи.

Она так мне и объяснила:

– Эти сапоги – из змеиной кожи.

Они были зелёные, на лихих скошенных каблуках, с металлическими клёпками: великолепный аксессуар для Бренды и её жопы.

Теперь я думал именно так: «жопа», а не «попка». Она прошлась передо мной в этих сапогах, как модель по подиуму, но совершенно нагая.

Её жопа прыгала за ней, как детский надувной шарик.

У неё были изумительные плечи, ключицы.

Её лобковые волосы были тонкими и серыми, как паутина.

У меня опять поднялся пенис.

Он выпирал из трусов: не пенис, а фаллос.

Заметив это, Бренда сказала:

– Пусть он встаёт сколько хочет. Всё равно никакого толку от этого не будет.

Я хотел спросить её, какой толк она подразумевает, но не нашёл подходящих выражений.

Мой английский был беден, беден!

К тому же я почти что лишился дара речи.

Вдруг она сказала:

– Я пошла спать. А ты, если хочешь, можешь переночевать в этом шезлонге.

Я с радостью согласился.

Мне не хотелось искать Берроуза ночью.

Как говорится: «Утро вечера мудренее».

Между мной и Берроузом разверзлась бездна!

Между мной и Берроузом были Содом и Гоморра.

14

Бренда принесла мне лоскутное одеяло.

Я вежливо пожелал ей спокойной ночи.

Но это не проторило тропку к её сердцу.

Она смотрела на меня как на проходимца!

Впрочем, она тоже пожелала мне спокойной ночи.

И направилась к дому.

Я провожал её взглядом.

Её жопа резвилась, как пара разыгравшихся в сумерках дельфинов.

15

В ту ночь мне приснилось, будто я – неизвестно кто с мягким стоячим членом.

Член одновременно стоял и был мягок, как вата!

И какая-то женщина, похожая на Брендю, обнимала мои ноги и брала мой член в рот, отчего мне делалось очень, очень приятно.

Но внезапно я понимал, что у неё во рту зубья пилы, а не зубы.

И мне становилось страшно и больно.

О боги!

Такой вот примитивный кошмар приснился.

Я проснулся в холодном поту, с головной болью. И подумал: «Почему все мои сны поверхностны и brutальны?»

А Берроуз записывал свои сновидения в журнал и потом опубликовал книгу под названием: «My Education: AoBook of Dreams» – замечательный опус.

Однажды он сказал, что писатели учат людей видеть сны и жить в соответствии с ними.

Вот я и испугался: «Неужели мне ничего не удастся извлечь из своих кошмаров?»

Я восклицал про себя: «Что я наделал?! Чего ради приехал в этот город? Зачем откололся от группы IRWIN, которая меня поила и кормила? Куда мне теперь деваться?!»

Я осознал, что между мной и Берроузом стоит вавилонский хаос.

Я осознал своё вопиющее одиночество в Соединённых Штатах.

Но тут из дома вышла Бренда.

Она была в тех же змеиных сапогах, но уже в купальном халате.

Впрочем, этот белый халат был распахнут.

Я опять увидел её младенческие груди.

И пупок атлетки.

И чудесный лобок, покрытый паутиными волосами.

А вот лицо у неё как-то изменилось.

Это было лицо не вчерашней Бренды, а зубастой женщины из моего эротического кошмара.

О, человеческие лица!

Они так обманчивы, так непостоянны.

Сейчас я уже не могу вспомнить лицо Бренды.

Бывают такие лица, которые невозможно вспомнить – даже если видел их накануне.

Почему я так легко забываю лица?

Даже лица отца и матери я припоминаю с натугой. Они представляются мне то такими, то сякими, то такими, то сякими.

А иногда вместо их лиц я вижу только белые пятна.

Зато фигуру Бренды я хорошо запомнил.

18

Она принесла мне банку пепси-колы на завтрак.

Она подала мне её, не говоря ни слова.

Потом она проводила меня на пустынную улицу и сказала:

– Желаю удачи.

И добавила:

– Okey-dokey!

Часть вторая. Лоретта

1

И опять я ходил по Лоуренсу.

Помню, серая кошка сидела под тутовым деревом и что-то громко кричала.

Она смахивала больше на сову, чем на кошку.

Что же она кричала?

Почему я не прислушался к ней, почему прошёл мимо?

Я слишком часто проходил мимо кричащих тварей. Я слишком часто проходил мимо молчащих тварей.

Я слишком часто проходил мимо.

2

Потом появились люди.

Они все куда-то спешили.

Я шёл и пялился на мужчин: а вдруг это Уильям Сьюард Берроуз?

Не знаю, о чём я думал: что он будет стоять на тротуаре, прислонившись к фонарному столбу, и курить сигарку?

Или что на каждом углу будет висеть его портрет с адресом, написанным ниже?

У меня не было ни малейшего представления, как я найду выдающегося автора «Интерзоны».

И всё-таки я не падал духом, а наслаждался своей авантюрой.

Конечно, я немного побаивался, но не слишком.

Я очень легкомыслен.

Кроме того, я был рад, что уже не нахожусь под гипнозом Бренды.

Я воспрянул духом, позавтракав в кафе оладьями с кленовым сиропом.

3

Помню, больше всего меня поразили витрины Лоуренса.

Некоторые из них были совершенно пусты, как те московские витрины 1918 года, о которых рассказывала Эмма Герштейн (моя любимая мемуаристка).

А другие наоборот – завалены пыльным барахлом: чучелами енотов, насекомыми в картонных коробках, оленьими рогами, медными портсигарами, оловянными солдатиками, старыми вымпелами, орденами...

Был там ружейный магазин, в витрине которого красовались старые и новые модели револьвера Smith & Wesson.

Я знал, что Берроуз любит оружие, и надолго прилип носом к этой витрине.

Помню белый кольт с костяной ручкой, помню резной барабан и гранёное дуло.

Очень изящные, соблазнительные игрушки.

Я сначала возжелал их, но потом вспомнил философа Ивана Ильича, считавшего, что чем больше у человека вещей, тем он глупей и слабее.

А Берроуз сказал: «I love good guns. If some dog attacked you, that'd be one dead dog, buddy».

Он был против контроля оружия и обожал ножи и ружья.

Есть известное фото, на котором он стоит с винтовкой.

В 1951 году он убил выстрелом из пистолета свою жену

Джоан Воллмер, но и после этого не утратил вкус к огнестрельным игрушкам и хвастался этим.

Уильям Берроуз был непростой штучкой.

4

Ещё в какой-то витрине лежали ножницы разного размера, а рядом – гигантская металлическая расчёска, в зубьях которой застряли длинные волосы какого-то зверя.

Я подумал, что это шерсть бизона.

Рядом с расчёской висел засохший торт, на котором сидел овод.

Почему-то я хорошо запомнил эту витрину.

5

Я шёл дальше и дальше.

Помню довольно уродливую церковь с тонким шпилем.

Помню церковную дверь из прессованных опилок.

Перед дверью стоял человек в чёрном костюме и белой ковбойской шляпе.

Он держал в руке Библию и улыбался.

Сначала я подумал, что это Деннис Хоппер.

И тоже ему улыбнулся.

Но это был не Деннис Хоппер, а какой-то зазывала.

Он воззвал ко мне гулким басом:

– Заходите, молодой человек, заходите! Время, которое вы проведёте в нашем храме, подобно вечности в саду Эдема! Вы перестанете стареть, и с вашей головы не упадёт ни один волос! Вы выздоровеете от всех ваших болезней. В вас войдёт Святой Дух и уже никогда не выйдет. Ваши дети будут ангелами и никогда не доставят вам печали. Заходите к нам, заходите!

Но я всей душой стремился к Уильяму Берроузу и не зашёл в эту церковь.

6

Вдруг я увидел припаркованный к тротуару лимузин, на котором сидели звери.

Это были кошки разных мастей и собаки разной породы.

Не менее сорока тварей помещались на капоте, кузове и багажнике большой легковой машины.

Я подошёл поближе и обнаружил, что внутри автомобиля – на переднем и заднем сиденьях – тоже сидели собаки и кошки.

У всех этих зверей из пасти торчали языки – то ли издевательски, то ли идиотски.

Я просто обалдел от этой картины.

И тут дверца звериной машины распахнулась и из неё выскочила крошечная старуха в изодранном платье.

Её седые космы развевались, глаза блуждали.

Она схватила меня за руку и закричала:

– I am terribly sorry! Я ужасно извиняюсь! Мы не хотели причинить вам неудобство! Эти животные ни в чём не виноваты! Они были рождены для игр и веселья, а вместо этого их заперли в машине! Это совсем не шутка! Это звериная забастовка! Каждый зверь, которого я знаю, подавлен и печален! Каждый зверь разобщён и отгорожен! Каждый зверь кастрирован и стерилизован! Но это не может так продолжаться! Они наконец возмутились! Они взбунтовались! Они

объединились, чтобы выразить своё отвращение к человеческому роду!

В этот момент чёрный кот, сидевший передо мной на буфере лимузина, задрал заднюю лапу и показал мне свою алую залупу.

Старуха увидела это и заорала:

– Смотрите, что он вытворяет! Это всё от печали! Это от хандры, меланхолии и сплина! А сплин и хандра приводят к ресентименту и бунту! И что же тут делать? К кому прикажете обратиться? К ветеринару? К шерифу? Написать губернатору штата? Посмотрите на этих животных! Я хочу, чтобы вы прониклись их состоянием, их самочувствием, их несчастьем! Я хочу, чтобы вы осознали их *modus vivendi*! Если бы они только могли, то покончили самоубийством! Коллективно, скопом!

Она воззрилась на меня белыми безумными глазами:

– Вы помните, что случилось в Маунт-Кармел в Уэйко? Вы знаете, кто такой Дэвид Кореш? Он уважал животных! А они его убили! Они всех хороших людей убивают!

Тут серый слюнявый бульдог с кровавыми глазами, сидевший на кузове в довольно нелепой позе, уронил длинную прозрачную слюнку прямо на нос старухи.

А может, и не уронил, а намеренно плюнул?

Старуха утёрлась и уже спокойнее сказала:

– Некоторые домашние животные околдовывают своих хозяев. Другие чрезвычайно привередливы в пище, а иные

просто созерцают. Некоторые из них задумчивы, другие склонны к озорству и проделкам. А кое-кто умудрён жизнью и не хочет ничего, кроме безболезненной смерти.

С этими словами она мне поклонилась и снова залезла в машину.

7

Углубившись в окрестности Лоуренса, я очутился в районе с разноцветными, крытыми дранкой коттеджами и гаражами.

Вокруг было много зелени – клумб, лужаек, развесистых деревьев.

Дома выглядели крайне запущенно, газоны тоже.

Пахло то ли барбекю, то ли просто кострами.

Словом, настоящая американская глубинка.

Если б я не искал Берроуза, то мог бы встретить тут Гекльберри Финна!

Или Сисси Спейсек!

Почему я там, чёрт возьми, не остался?

У меня был шанс, а я его профукал!

8

Нет, всё-таки не профукал!

На веранде скромного домика сидел старик и курил вонючую сигару.

Я спросил его, не знает ли он, где живёт Берроуз – автор повести «Пидор».

Старик ответил, что никогда не слышал о таком парне.

Я уже собирался уйти, но тут из дома вышла маленькая загорелая брюнетка с морщинистым лицом и спросила:

– Ты любишь большие сиськи с коричневыми сосками?

Я смутился и не знал, что ответить.

Она улыбнулась:

– Вижу, что любишь. Заходи, я накормлю тебя, а потом мы вместе посмотрим на сиськи. И не бойся! Мой член до сих пор стоял от Бренды – поэтому я немедленно согласился.

Как сказал бы Берроуз: «You haven't had your education yet, buddy».

10

В том доме сильно пахло варёной кукурузой. На кухонном столе, покрытом узорчатой клеёнкой, лежала гора дымящихся початков.

– Кушай, – сказала морщинистая брюнетка.

Она была миниатюрным вариантом знаменитой киноактрисы Авы Гарднер, которую когда-то называли «самым сексуальным животным на этой планете». Я накинулся на кукурузу как оголтелый. Дело в том, что я с детства обожаю кукурузу. Но мне ни разу в жизни не удалось вволю полакомиться этим яством. И вот я дорвался!

Я ел и давился, а брюнетка окунала влажные ладони в большую миску с солью и обмазывала очередной початок крупными кристаллами морской соли.

Эта соль была не простой, а копчёной.

И от брюнетки тоже исходил сильный копчёный запах.

Я обглодал целых девять початков, запивая их ледяной кока-колой.

«Америка есть Америка», – думал я, наслаждаясь кукурузой.

И тут она поманила меня пальцем:

– Come in and show me, dear.

Я с ужасом подумал, что она намеревается осмотреть мой пенис.

Как Бренда!

Но её звали Лоретта, и она всего лишь хотела взглянуть на мои голые ступни.

Фетишистка, прекрасная фетишистка!

Она сама меня разула: стащила с моих утомлённых ног старые рваные кеды.

– У тебя совсем детские ноги, как я и предполагала, – сказала Лоретта. – Это так чудесно. Мне это подходит. И мне нравится, что твои ступни пахнут резиной.

Одним ловким движением она выскользнула из своих шортов.

И скинула с плеч клетчатую мужскую рубаху.

Её тело было покрыто глубоким загаром, под которым просвечивали тонкие голубые жилки.

Чёрные волосы курчавились на её лобке и выглядывали из подмышек.

На тёмной шее виднелся розовый шрам, подобный нежному бутону.

Мне это всё показалось крайне эротичным.

Только тут я и догадался, что она была мулаткой. Прекрасная фетишистка и сексуальнейшая мулатка!

Я навечно благодарен тебе за урок, который ты мне преподала!

Я бесконечно благодарен тебе за то, что ты со мной сотворила!

12

Она забралась на кухонный стол и откинулась на гору кукурузных початков.

Она трогала свои массивные сиськи с коричневыми сосками.

Эти сиськи напомнили мне те оладьи, которые я ел утром с кленовым сиропом.

Я до сих пор вспоминаю вид и вкус этих оладьев.

В сущности, оладьи – моё любимое блюдо с раннего детства.

И кукуруза.

Но сиськи Лоретты были больше любых оладьев. Они напоминали какие-то чудные круглые грелки, наполненные горячей влагой.

Её волосатая вагина глядела на меня, как ощерившаяся морская ежиха.

Удивительная Лоретта!

13

Она меня спросила:

– Ты веришь в любовь, мой мальчик?

Я сказал, что верю.

– А ты веришь, что каждый день – Судный?

Я сказал, что верю.

То, что произошло в следующие минуты, было неопи-
симо прекрасно.

Лоретта оказалась несказанно умелой и пылкой партнёр-
шей.

И она с первой секунды заразила меня своим энтузиаз-
мом.

Я превзошёл самого себя с Лореттой!

Разве это не чудно?

Конечно, чудно!

И сейчас я с восторгом её вспоминаю: соительницу, ма-
рьяжницу, беззаконницу, полюбовницу, хорошиху и любо-
дейку.

Уверяю тебя, читатель: она достойна моих мемуаров не
меньше, чем Уильям Берроуз.

Она не писала рискованных книг, не сочиняла авантюр-
ных рассказов, но творила невероятные события в жизни.

Разве это не странно и не прекрасно?

Да, прекрасно, – как те многоцветные байки, что расска-
зывали Чосер и Боккаччо.

Или как русские заветные сказки!

Хотя они ужасно brutальны.

Я, кстати, так тогда и подумал: «Ну вот – я в русской за-
ветной сказке».

Хотя всё происходило в Северной Америке, в Канзасе.

В вагине Лоретты!

И она была великолепна.

14

Под конец Лоретта меня спросила:

– Ты знаешь, кем мы стали?

– Кем? – спросил я.

– Сестрой и братом.

Я подумал и согласился.

15

I love you, Loretta!

I love you очень сильно.

Я и сейчас вижу, как ты машешь мне «good-bye» своей смуглой ручкой.

И я помню, как ты прошептала мне на ухо:

– Никогда не грусти, мальчик. Грусть отдаляет нас от Бога.

Но я не хочу углубляться в детали нашего с ней любовного акта.

Пусть все подробности секса останутся энигмой.

Довольно об этом эпизоде.

Хватит.

Как сказал знаменитый русский писатель: «За мной, читатель!»

Часть третья. Беременная девочка и Томас

1

Я вышел из дома Лоретты в состоянии дезориентации и счастливого угара.

Я шёл не различая дороги.

Пережитое на кухонном столе ввергло меня в исключительную, ни с чем не сравнимую эйфорию.

Возможно, такое бывает от мощной дозы героина – наркотика, которым увлекался Берроуз?

Я был в ОГЛУШЕНИИ от несравненной Лоретты!

Как говорится: на седьмом небе.

Я даже забыл о Берроузе, как и обо всём на свете.

2

И вдруг я наткнулся на беременную девочку с треугольным лицом и опухшими губами.

Она шла по тротуару, выставив вперёд грандиозное брюхо.

На вид ей было не больше пятнадцати, и она была кожа да кости.

Но какой несусветный живот: не иначе как десятый месяц. И там, должно быть, таилась тройня.

На девочке топорщился грязный рабочий комбинезон на три размера больше, чем надо.

Мужской комбинезон в чёрных маслянистых пятнах.

Волосы на её голове напоминали перекасти-поле.

Она упёрлась в меня зелёными, как болото, глазами:

– Хочешь потрогать мой животик?

По-английски это так прозвучало:

– Would you like to feel my tummy?

Я опешил:

– Oh, thank you. Thanks a lot. May be later?

Она посмотрела на меня с нескрываемым презрением, и мне стало ужасно стыдно.

Я потрогал её животик.

Он был тугой, как астраханский арбуз наивысшего сорта.

– Ну, как он тебе? – спросила странная малышка.

– Замечательный. Когда ты ждёшь ребёнка?

Она улыбнулась своими опухшими губами:

– Это ты. Мой ребёнок.

Я подумал, что мой английский опять сыграл со мной дурную шутку.

Поэтому я ей просто улыбнулся.

А она, свирепо:

– Ты что? Не понимаешь? Ты – мой ребёнок, придурок!

– Я? Твой ребёнок?

– Ты, дурак, ты. Теперь понимаешь?

– Как так?

– Да уж так. И ничего с этим не поделать.

– Я буду твой ребёнок?

Она вдруг рассердилась:

– Сколько можно повторять? Ты что – недоносок? Я же сказала: ты – мой бутуз, мой несчастный убогий сынок, моя бедная плоть и кровь, мой подгнивший плод, мой тупой карапуз, мой дрянной спиногрыз, мой байстриук, мой гадючий найдёныш!

Пена выступила на её губах – белая, болезненная пена.

Я испугался.

Опять испугался!

Я ведь трус, как сказал один московский литературный критик.

Трус, мелкий пакостник и воришка чужих рассказов.

Как сказал однажды Бэрроуз: «Get off the stage, lying cocksucker!»

А ещё он писал: «So who can prove that I didn't on my vacations go to Tangier and rape children?»

Поэтому я и испугался.

Даже очень.

И поспешил прочь от этой бедной девочки на сносях.

3

Чтобы чуть-чуть оклематься от этой встречи, я зашёл в кондитерскую и купил коробку donuts.

Они были жирные, обильно посыпанные сахарной пудрой.

Donuts – отвратительное лакомство, а вовсе не хлеб насущный.

Я съел целых семь donuts – вероятно, из-за стресса.

И меня затошнило.

Кроме того, мне захотелось пить, как дромадеру после перехода Сахары.

Или это никуда не годное, кокетливое сравнение?

Я захотел пить, одним словом.

Я был измождён и подавлен.

Я думал: «Сколько мне ещё таскаться по этому Лоуренсу?

И на кой чёрт мне сдался этот Берроуз?»

Я был в отвращении от своей авантюры.

Я хотел в Калифорнию: покупаться и полежать на берегу океана.

И чтобы рядом ходили светловолосые девушки в бикини – с голубыми-голубыми глазами.

В Калифорнии у всех девушек глаза голубые и пустые.

Как небо.

Лев Толстой был не прав, когда писал о глубоком и осмысленном небе.

Впрочем, над Аустерлицем небо могло быть осмысленным и глубоким, но вот небо в Калифорнии абсолютно пустое и не имеет ни малейшего смысла. Я открыл это, путешествуя с группой IRWIN.

И люди в Калифорнии тоже не имеют смысла.

Там всем заправляют деньги.

Как сказал однажды Джон Джост: «Деньги – это первая и последняя подлость. Деньги – ложь, позволяющая тем, у кого они есть, считать себя лучше тех, у кого их нету. Это горы лжи, запакованные в национальные флаги, которые заставляют бедных мальчишек идти на верную гибель, чтобы те, у кого есть деньги, могли сидеть дома, потягивая мерзкие коктейли. Деньги – первый шаг на дороге, ведущей в пропасть».

Или, как писал Берроуз: «The universal Betrayal has swamped this terrible planet».

4

И тут я увидел бар, где меня наконец ждала удача.

5

Начну с того, что стены этого бара были увешаны фото-снимками Берроуза и его знаменитых фанатов.

Я узнал Джимми Пейджа, Лори Андерсон, Дэвида Боуи, Лу Рида, Мика Джаггера и Игги Попа.

Все они стояли или сидели с Берроузом в обнимку или просто рядом.

Были ещё Берроуз и RAMONES: Johnny Ramone, Tommy Ramone, Joey Ramone and Dee Dee Ramone.

И, кажется, Берроуз и Ким Гордон.

И Берроуз и Энди Уорхол.

И Берроуз и Кит Харинг.

И Берроуз и Кэти Акер.

И Берроуз и Майлз Дэвис.

И Берроуз и Курт Кобейн.

И Берроуз с автоматической винтовкой.

И Берроуз и Деннис Хоппер.

И Берроуз и Элис Купер.

И Берроуз и чёрная кошка.

И Берроуз и Дженезис Пи-Орридж.

И Берроуз с палкой.

И, конечно, Берроуз и Аллен Гинзберг.

И Берроуз с сигаретой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.